

Читайте в серии:

АЛАЯ КОРОЛЕВА

СТЕКЛЯННЫЙ МЕЧ

КЛЕТКА КОРОЛЯ

ШТОРМ ВОЙНЫ

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

ШТОРМ
ВОЙНЫ

Freedom

Москва

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А19

WAR STORM

Copyright © 2018 by Victoria Aveyard
Endpapers and map © & ™ 2017 Victoria Aveyard. All rights reserved

Endpapers and map illustrated by *Amanda Persky*

Cover art by *John Dismukes*

Авеярд, Виктория.

А19 Шторм войны / Виктория Авеярд ; [перевод с английского В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 736 с. — (Young Adult. Мировой бестселлер Виктории Авеярд).

ISBN 978-5-04-110721-5

Культовый мировой бестселлер.

Мэру предал самый дорогой ей человек. Но Алоу королеву не сломить. Она пойдет на все, чтобы раз и навсегда уничтожить королевство Норты, оплот Серебряных. И начнет Мэра со своего главного врага — Мэйвена. Он заплатит за каждый шрам, оставленный в душе Красной воительницы. Ведь Мэра поклялась вызвать такой шторм, который сотрет с лица земли всех, кто когда-либо причинял ей боль. И на этот раз молния Алой королевы будет бить без промаха...

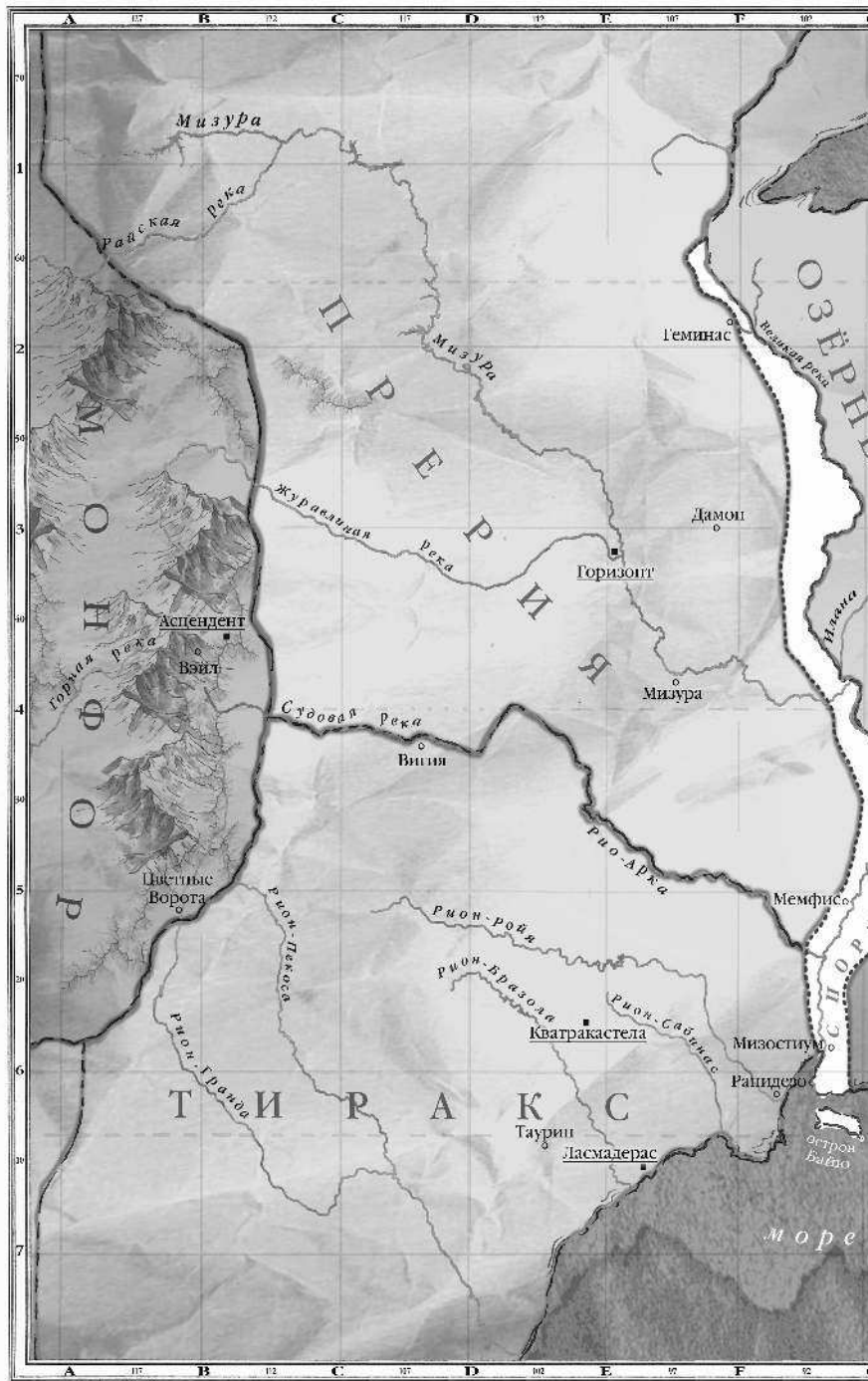
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

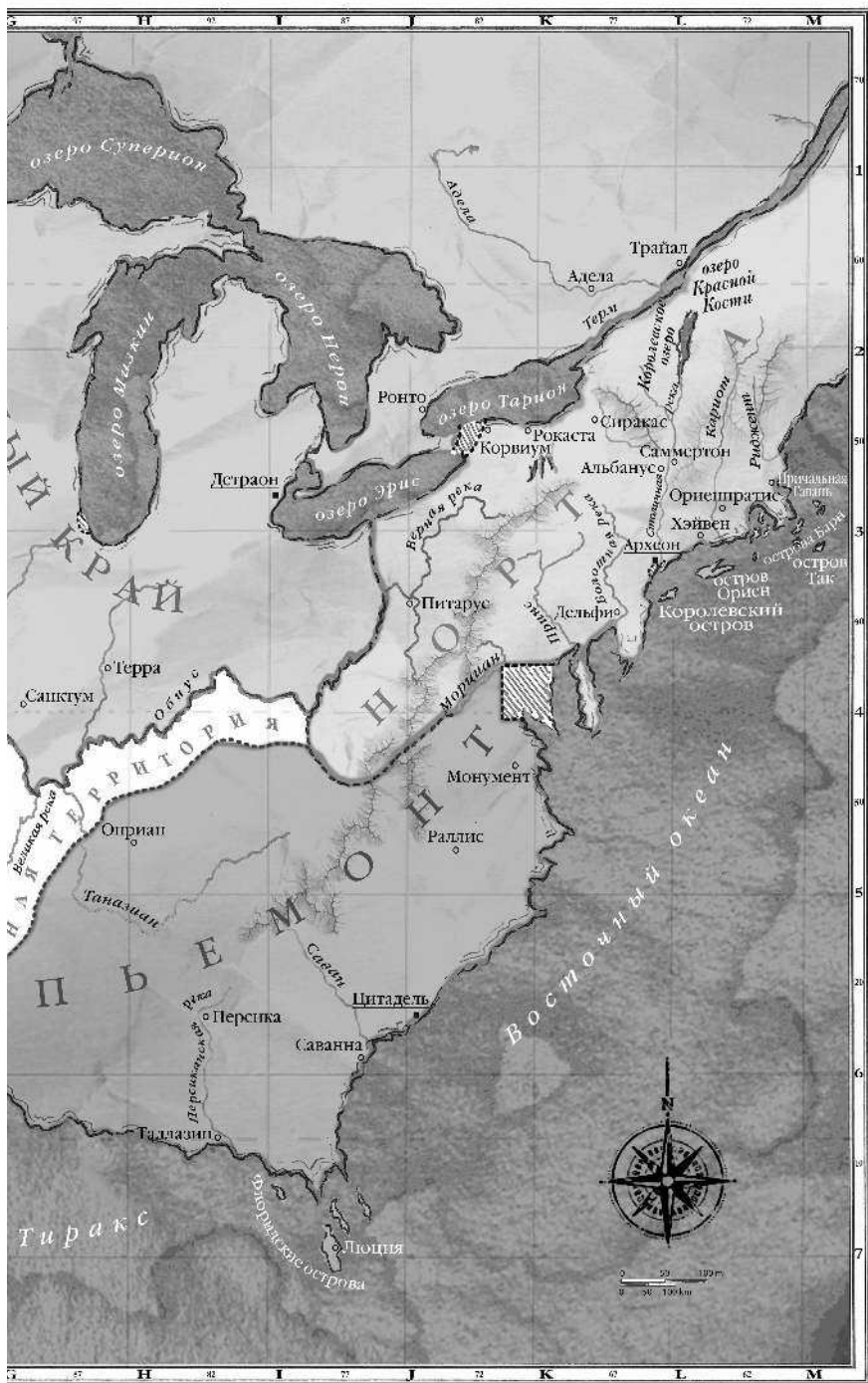
© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110721-5

*Посвящается моим родителям,
друзьям, мне и тебе*

1. Мэра

Мы долго молчим.

Вокруг нас — город, полный людей, но он кажется пустым.

«Разделяй и властвуй».

Намеки ясны, линии отчетливо проведены. Фарли и Дэвидсон внимательно смотрят на меня, а я на них. Кажется, Кэл вообще не догадывается, что Алая гвардия и Монфор не намерены дарить ему какой бы то ни было трон. Видимо, этого человека больше волнует корона, чем все заботы Красных. И, пожалуй, больше не стоит называть его Кэлом.

Тиберий Калор. Король Тиберий. Тиберий Седьмой.

Вот имя, с которым он родился, имя, которое он носил, когда мы встретились.

Тогда он назвал меня воровкой. Это было мое имя.

Хотелось бы мне выкинуть из памяти весь последний час. Ненадолго вернуться в прошлое. Отступить. Отшатнуться. Хоть на минуту вновь испытать странное блаженство, когда не было ничего, кроме тупой боли в усталых мышцах и заново сращенных костях. Отхлынувшего адреналина. Уверенности в любви и поддержке Кэла.

Хоть мое сердце и разбито, я не нахожу в себе сил ненавидеть его за то, что он сделал. Гнев придет потом.

На лице Фарли появляется тревога. Очень странно. Я больше привыкла к ее холодной решимости или огненному бешенству. Она замечает мой взгляд и искривляет пересеченные шрамом губы.

— Я доложу о решении Кэла Командованию, — говорит она, нарушив напряженное молчание. Голос Дианы Фарли звучит негромко и взвешенно. — Только Командованию. Донесение отправит Ада.

Премьер-министр Монфора склоняет голову в знак согласия.

— Хорошо. Полагаю, Барабанщик и Лебедь не исключали такого развития событий. Они наблюдали за старой королевой, с тех пор как она вошла в игру.

— Анабель Леролан пробыла при дворе Мэйвена достаточно долго, как минимум месяц, — отвечаю я. От чего-то мой голос не дрожит, он звучит ровно и властно. Я должна казаться сильной, даже если чувствую себя совсем иначе. Это ложь, но во благо. — Думаю, у нее больше сведений, чем у меня.

— Возможно, — отзывается Дэвидсон, задумчиво кивнув. Прищурившись, он смотрит в землю. Ничего не ищет — просто сосредотачивается. В его голове разворачивается некий план. Предстоящий нам путь будет нелегким, это ясно даже малому ребенку. — Вот почему мне пришлось уступить, — добавляет он, почти извиняясь. Как будто я могу сердиться на него за то, что он исполнил свой долг. — Держим уши и глаза открытыми. Так?

— Так, — отвечаем мы с Фарли — неожиданно друг для друга.

Дэвидсон оставляет нас и шагает по переулку. Солнце освещает его блестящие седые волосы. Он старательно привел себя в порядок после битвы, смыл пот и пепел и сменил окровавленную одежду. Он, как обычно, спокоен, собран и до нелепого зауряден. Мудрое реше-

ШТОРМ ВОЙНЫ

ние. Серебряные придают столько значения внешности, пафосно выставляют напоказ свою силу и власть. Особенно Самосы, которые сидят сейчас в возвышающейся над нами башне. Рядом с Воло, Эванжелиной, Птолемусом и гадюкой-королевой Дэвидсон теряется. Он может слиться со стеной, если пожелает. «Они не заметят его приближение. Наше приближение».

Я судорожно втягиваю воздух и сглатываю, заставляя себя договорить: «И Кэл тоже».

«Тиберий», — сердито напоминаю я себе. Сжав кулак, так что ногти до боли впиваются в кожу. «Называй его Тиберий».

Черные укрепления Корвиума кажутся необычайно тихими и голыми теперь, когда осада закончилась. Перестав разглядывать удаляющуюся фигуру Дэвидсона, я смотрю на парапеты, которые тянутся вдоль стен крепости. Снежная буря давно стихла, тьма рассеялась, и всё вокруг теперь кажется меньше. Не таким внушительным. Через этот город раньше толпами гнали Красных солдат — по большей части навстречу неизбежной смерти в окопах. Теперь Красные охраняют стены и ворота, патрулируют улицы. Они сидят рядом с Серебряными королями и рассуждают о войне. Солдаты с алыми повязками ходят туда-сюда и держат ухо востро, а оружие — наготове. Алую гвардию не застанешь врасплох, хотя у бойцов нет особых причин волноваться. По крайней мере, сейчас. Солдаты Мэйвена отступили. И даже Воло Самос не настолько храбр, чтобы предпринять атаку изнутри Корвиума. Только не теперь, когда ему нужна Гвардия, нужен Монфор, нужны мы. И он не станет ссориться с Кэлом — «с Тиберием, дура», — невзирая на все его дурацкие речи о равенстве. Как и мы, Воло нуждается в нем. В его имени, его короне, в этом проклятом браке с проклятой Эванжелиной...

Мое лицо пылает. Меня смущает ревность, которую я чувствую. Потеря Кэла должна быть наименьшей из моих печалей. Она должна причинять меньше боли, чем риск умереть, проиграть войну, потерять все, ради чего мы так старались. Но мне больно. И нет других вариантов, кроме как терпеть.

«Почему я не согласилась?»

Я не приняла его предложение. Мою душу разорвало на куски очередное предательство — предательство Кэла, но также и мое. «Я люблю тебя» — это слова, которые произнесли мы оба, и оба от них отреклись. Они значили: «Я выбираю тебя. Ты мне дороже всего на свете. Без тебя я не могу. Я сделаю все, чтобы наши пути не разошлись».

Но Кэл решил этого не делать. И я не сделаю.

Я значу меньше, чем его корона, а он — меньше, чем моя цель.

И гораздо меньше, чем страх очередной клетки. «Фаворитка», — сказал он, предлагая невозможное. Он сделал бы меня неофициальной королевой, потеснив Эванжелину. Опять. Но я уже знаю, каково смотреть на мир, стоя справа от короля. И не желаю больше жить такой жизнью. Хотя Кэл — не Мэйвен, трон остается прежним. Он меняет людей в худшую сторону, искажает их.

Какая странная это была бы жизнь. Кэл на престоле, королева из рода Самосов — и я. В глубине души я отчасти жалею, что не согласилась. Это было бы легко. Выбросить все из головы, отступить, победить — и наслаждаться жизнью, о которой я никогда и не мечтала. Окружить родных роскошью. Обеспечить нам всем безопасность. И остаться с Кэлом. Красная девушка с ручным Серебряным королем.

Возможность изменить мир. Убить Мэйвена. Спать без кошмаров, жить без страха.

ШТОРМ ВОЙНЫ

Я с силой прикусываю губу, отгоняя это желание. Оно соблазнительно, и отчасти я понимаю Кэла. Ничего не скажешь, мы под стать друг другу.

Фарли шумно шаркает ногами и со вздохом прислоняется к стене, скрестив руки на груди. В отличие от Дэвидсона, она даже не удосужилась сменить окровавленную одежду. Фарли, впрочем, перепачкана меньше, чем я, — на ней нет грязи и глины. Зато, конечно, есть серебряная кровь, которая уже засохла и стала черной. Прошло всего несколько месяцев после рождения Клары, и она с гордостью покачивает пополневшими бедрами. Сочувствие, что Фарли еще питала, полностью исчезло, сменившись яростью, которая так и пылает в ее синих глазах. Впрочем, гнев адресован не мне. Фарли смотрит наверх, на башню. Туда, где странное сборище Серебряных и Красных сейчас пытается решить нашу судьбу.

— Там был он, — она не дожидается, когда я уточню, о ком речь. — Серебряные волосы, толстая шея, дурацкие доспехи. Он убил Шейда — а сам еще почему-то дышит.

Мои ногти впиваются в ладонь еще глубже при мысли о Птолемусе Самосе. Принце Разломов. Убийце моего брата. Как и Фарли, я тоже ощущаю внезапную ярость. И равный по силе прилив стыда.

— Да.

— Потому что ты договорилась с его сестрой. Твоя свобода в обмен на его жизнь.

— В обмен на возможность мстить, — бормочу я. — И — да, я дала Эвангелине слово.

Фарли обнажает зубы с явным отвращением.

— Ты дала слово Серебряной. Это ничего не стоит.

— Тем не менее, я обещала.

Она издает низкий горловой звук, похожий на рычание. Расправив широкие плечи, Фарли поворачивается

к башне. Интересно, какое усилие ей приходится делать над собой, чтобы не броситься наверх и не выцарапать Птолемусу глаза. Я не стану мешать, если что. Более того, займу место поудобнее в первом ряду.

Я разжимаю кулак, выпустив часть боли. И тихонько делаю шаг вперед, сокращая расстояние между нами. После секундного колебания я касаюсь ее руки.

— Это обещание дала я. Но не ты. И никто другой.

Фарли слегка успокаивается, и злобный оскал превращается в усмешку. Она поворачивается и пристально смотрит на меня; в ее ярко-синих глазах отражается солнечный свет.

— Кажется, ты больше приспособлена для политики, чем для войны, Мэра Бэрроу.

Я болезненно улыбаюсь.

— Не вижу разницы.

Трудный урок, который, кажется, я наконец усвоила.

— Думаешь, ты сможешь это сделать? Убить его?

В прошлом она бы пренебрежительно фыркнула, услышав такой вопрос. Фарли — жесткий человек с непробиваемой броней. Она такая, какой должна быть. Но что-то — возможно, Шейд, несомненно, Клара, те узы, которые нас теперь соединяют, — позволяет мне заметить проблеск иных чувств под самоуверенным обличьем генерала. Фарли колеблется, и ее улыбка слегка меркнет.

— Не знаю, — буркает она. — Но я не смогу смотреть на себя и на Клару, если не попытаюсь.

— Я тоже не смогу, если позволю тебе погибнуть в процессе, — я крепче сжимаю ее руку. — Пожалуйста, не делай глупостей.

Усмешка Фарли тут же возвращается во всем блеске, как будто кто-то щелкнул выключателем. Она даже подмигивает.

ШТОРМ ВОЙНЫ

— С каких это пор я поглупела, Мэра Бэрроу?

Глядя на нее, я чувствую, как натягиваются шрамы на шее — шрамы, о которых я почти позабыла. Эта боль стала почти неощутимой по сравнению со всем остальным.

— Мне просто интересно, чем это закончится, — негромко говорю я, надеясь, что она поймет.

Фарли качает головой.

— Не знаю. Слишком много вариантов.

— Я имею в виду... Шейда. Птолемуса. Ты убьешь его — а потом что? Эванжелина убьет тебя? Клару? Я убью Эванжелину? И так далее, без конца?

Я близко знакома со смертью, но на сей раз ощущение странное. Я пытаюсь прикинуть финал. Это больше свойственно Мэйвену, чем нам. Фарли давно вынесла Птолемусу смертный приговор, еще когда я изображала Мэриэну Титанос, но это было ради Алой гвардии. Ради общего дела, не ради слепой мести.

Глаза у нее расширяются, полные пугающего огня.

— Ты хочешь, чтобы я подарила ему жизнь?

— Нет, конечно, — я почти огрызаюсь. — Я не знаю, чего хочу. Не знаю, что говорю... — Слова вдруг так и начинают сыпаться. — Но я еще не научилась думать, Фарли. Я знаю, что месть и ярость способны сделать с человеком... и с теми, кто его окружает. И, разумеется, я не хочу, чтобы Клара росла без матери.

Фарли резко отворачивается, пряча лицо. Но недостаточно быстро, чтобы скрыть внезапные слезы. Впрочем, они так и не проливаются. Дернув плечом, она отталкивает меня.

Я настаиваю. Я обязана. Она должна это услышать.

— Она уже потеряла одного из родителей — и если бы ей предложили выбрать между отомщенным отцом и живой матерью... я знаю, что бы она предпочла.